

Жизнь. СПб.,

1897. Т. VI. № 16-17. Июнь. Дов. ценз. 2 июня.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Мужики вообще и «Мужики» А. П. Чехова. «Русская Мысль», № 4, Апрель 1897 г.

Первые персонажи русской литературной труппы никогда не удѣляли мужику особеннаго, выдающагося мѣста въ своихъ произведеніяхъ. Тургеневъ писалъ о мужикахъ короткіе очерки; Толстой только наклонъ лѣтъ даетъ свою потрясающую мужицкую драму; Достоевскому только стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ дало матерьялъ для изображенія «Мертваго дома»; Салтыковъ жасался народа лишь вскользь. И въ настоящее время, когда сошли съ литературной сцены всѣ большіе и малые писатели-народники и ихъ мѣсто заняли нынѣшніе, такъ называемые молодые писатели, — мужикомъ занимается мало, случайно, спорадически.

Короткое, оживленное увлеченіе мужикомъ, вызванное народническимъ движеніемъ, остыло, литература вернулась къ обычнымъ темамъ изъ жизни интеллигента-горожанина, и мужикъ сдѣлался случайнымъ гостемъ на страницахъ толстыхъ и всякихъ другихъ журналовъ.

Я не хочу ни злобствовать по этому поводу, ни говорить что нибудь дурное по адресу нынѣшнихъ и прежде бывшихъ представителей литературы. Русская литература никогда не была враждебна или равнодушна къ мужику, — этому, хотя и «меньшему», но все же «брату». Если исключить незначительное количество уродовъ, которымъ полагается быть въ каждой семьѣ, то окажется, что и нынѣшніе и прежде бывшіе писатели исполнены самой гуманной, самой безкорыстной симпатіи къ простолюдину. И, однако, не смотря на трогательную любовь къ мужику, обнаруженную почти всеми развѣтленными русскими писателями, ихъ экскурси въ область мужицкой жизни поразительно слабы сравнительно съ блестящими изображеніями жизни интеллигента. И Тургеневъ,

и Толстой, и Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ рисуютъ привлекательныя черты народнаго характера, потрясаютъ читателей трагическими сценами изъ мужицкой жизни, но типовъ, дающихъ ключъ къ уясненію этой темной, стихійной жизни, у нихъ нѣтъ. Геніальная попытка Толстого сдѣлать изъ Каратаева и Акима представителей руководящаго принципа народной философіи и этики не удалась и вызываетъ только рѣзкія возраженія.

Полу-беллетристы, полу-публицисты, — народники, съ своей стороны, попробовали вырвать тайну народной жизни, разложить ее на составные элементы, опредѣлить тѣ слои, которые обособляются при ея движеніи, но и попытки народниковъ остались безплодными въ смыслѣ точнаго уясненія народной массы и факторовъ, ею руководящихъ: народники въ своихъ произведеніяхъ сгруппировали огромное количество матерьяловъ, но матерьялы эти находятся въ сыромъ, необработанномъ видѣ и, будучи таковыми, точныхъ выводовъ не даютъ.

Кто-же онъ, — этотъ «меньшій братъ», неуясненный такимъ великимъ писателемъ, какъ Толстой, такимъ удивительнымъ, упорнымъ изслѣдователемъ, какъ Гл. Успенскій?

Данныя собранныя земскими статистиками и разработанныя профессиональными и не профессиональными учеными; обычное право и юридическія нормы, касающіяся крестьянской обиходной жизни; этюды въ области этнографіи и исторіи, — вотъ то, на основаніи чего можно дать нѣкоторое, не беллетристическое описаніе мужика и тѣхъ условій, при наличности которыхъ ему приходится вступать въ то или иное соприкосновеніе съ другими классами общества. Попробуемъ сдѣлать это, — конечно, эскизно, такъ какъ на другое изображеніе у насъ не хватило-бы ни силы, ни возможности.

Мужики принадлежатъ преимущественно къ деревенскимъ жителямъ; съ 61-го года они находятся на положеніи гражданъ, не совсѣмъ однако полноправныхъ. Какъ и всѣ другія сословія, крестьянство самоуправляется, но самоуправленіе его поставлено подъ опеку лицъ, принадлежащихъ къ другому сословію; крестьянство участвуетъ въ учрежденіяхъ всесословнаго характера, но участіе это выражается въ цифрахъ, далеко не пропорціональныхъ на его численности, ни количеству земли, находящейся въ его владѣніи.

Великій актъ освобожденія, кромѣ личной свободы, принесъ мужику и земельную собственность. Государство не могло за свой счетъ выкупить у помещиковъ землю для надѣловъ; помещики не могли подарить этихъ земель, — и крестьянскій надѣлъ сразу оказался задолженнымъ, правда, на льготныхъ основаніяхъ; долгъ этотъ погашался крестьянствомъ до настоящаго времени и будетъ погашаться еще много лѣтъ. Для погашенія этого долга, для уплаты разныхъ другихъ косвенныхъ и прямыхъ налоговъ и сборовъ, для прокормленія

себя и своей семьи — главнымъ ресурсомъ для крестьянина служить доходъ съ его надѣла,—и доходъ этотъ очень и очень недостаточенъ. Большимъ мѣстомъ въ литературѣ и въ жизни сдѣлался вопросъ о недостаточности земли, находящейся во владѣніи крестьянской массы,—въ литературѣ вопросъ этотъ вызываетъ горькія сѣтованія на неполноту освободительныхъ реформъ; въ жизни — малоземелье гонитъ мужика съ насиженного мѣста либо за заработкомъ въ городъ, либо за поискомъ новыхъ мѣстъ, еще не людныхъ, еще не успѣвшихъ поставить на очередь тревожный вопросъ о недостаточности земли. Промышленность въ Россіи развита слабо, земли мало, рабочія руки не въ цѣнѣ, и въ средѣ русскаго крестьянства болѣе, чѣмъ гдѣ либо, особенно зп-мою, незанятыхъ работой, пользующихся вынужденнымъ досугомъ людей.

Такимъ же большимъ мѣстомъ въ литературѣ и въ жизни является другой поставленный на очередь вопросъ,—вопросъ о народномъ образованіи.

Въ нашемъ журналѣ посвящается этому вопросу специальный отдѣлъ,—и я не буду поэтому много говорить объ этомъ вопросѣ. Укажу только на слѣдующее: въ Россіи государство тратитъ на народное образованіе около 20 коп. на человѣка; въ прямой пропорціональности къ этимъ копѣйкамъ находится и число грамотныхъ: ихъ насчитываютъ около 16% взрослого населенія. Если принять во вниманіе, что эти цифры относятся ко всему населенію Россіи, то окажется, что отъ этихъ 20 коп. и 16% на долю мужика прійдутся весьма и весьма недостаточныя цифры.

Я не знаю, приходили ли въ голову г. Чехова мысли, подобныя вышеизложеннымъ,—изъ разсказа этого не видно,—но его «Мужики» только тогда и понятны, когда приняты во вниманія указанныя выше условія мужицкой жизни. Въ своемъ маленькомъ разсказѣ г. Чеховъ не анализируетъ не разсуждаетъ, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, но каждое слово его тяжелымъ камнемъ ложится на душу читателя, каждая картинка дѣйствуетъ удручающе.

Правда, художникъ ступилъ краски, не оставивъ никакого просвѣта *) для будущаго, но это было его право, такъ какъ онъ писалъ то, что видѣлъ, а дѣйствительность, къ сожалѣнію, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя тяжелую, туманную завѣсу, за которой, кто знаетъ, что скрывается.

Я нарочно не пересказывалъ содержанія разсказа г. Чехова, такъ какъ полагаю, что его нельзя передать въ какомъ бы то ни было пересказѣ, а необходимо

*) Одинъ изъ критиковъ въ ужасѣ замѣтилъ, что въ разсказѣ г. Чехова даже, Акимъ нѣтъ; другой возражая, что отсутствію Акина совсѣмъ еще не бѣда, обращаетъ вниманіе читателя на ех-лаки Николая, какъ на явленіе, утѣшительное въ смыслѣ движенія впередъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что и Акимъ (дѣйствующій у г. Чехова въ видѣ женщины по имени Ольги) и Николай—одинаково мало утѣшительныя явленія.

прочитать; но въ заключеніе не могу не позволить себѣ привести въ выдержкѣ одну прелестную дѣтскую сценку, показывающую до какой силы доходитъ художественность изображенія у г. Чехова.

«Мотыка босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь:

— Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ — тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно! И-п! касатка!—добавила она, подражая своей матери. — А когда будетъ свѣтопредставленіе, то всѣ церкви улесутся на небо.

— Съ ко-ло-ко-ла-ми? — спросила Мотыка басомъ, растягивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопредставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай; а Кирьяку и бабѣ скажетъ: а вы идите налево, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, тотъ тоже въ огонь.

Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза и сказала:

— Гляди на небо, не мигай,—ангеловъ видать.

Мотыка тоже стала смотрѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь?—спросила Саша.

— Не видать,—проговорила басомъ Мотыка.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу п крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики.

Мотыка подумала немного, глядя въ землю и спросила:

— Бабка будетъ горѣть?

— Будетъ, касатка...

Что ожидаетъ этихъ дѣтей? О Мотыкѣ давно уже сложены стихи: «Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ»,—а Сашу (ее мать уводитъ въ городъ), быть можетъ, ждетъ еще горная участь...